Б. САВИНКОВЪ

КЪ ДѢЛУ КОРНИЛОВА

Imp. « Union » 46, boulevard Saint-Jacques, Paris.
1919.

Б. САВИНКОВЪ

КЪ ДѢЛУ КОРНИЛОВА

Imp. « Union » 46, boulevard Saint-Jacques, Paris.
1919.

КЪ ДѢЛУ КОРНИЛОВА.

Недавно въ Москвѣ вышла книга Керенскаго «Дѣло Корнилова». Книга эта появилась въ то время, когда самого генерала Корнилова уже не было въ живыхъ; многіе же изъ участниковъ августовскихъ событій прошлаго года были лишены возможности отвѣтить Керенскому по «цензурнымъ условіямъ». Нынѣ, находясь за предѣлами досягаемости большевиковъ, я считаю своимъ долгомъ изложить «Дѣло Корнилова» въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось и представляется мнѣ, свидѣтелю его и участнику. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой писанныхъ и печатныхъ матеріаловъ, мною собранныхъ и оставшихся по необходимости въ мѣстностяхъ, занятыхъ большевиками. Поэтому, не задаваясь цѣлью дать исчерпывающее изложеніе «корниловскихъ» и предшествующихъ имъ дней, я ограничусь разсказомъ того, что происходило на моихъ глазахъ и въ чемъ я самъ принималъ участіе.

I.

Въ апрѣлѣ 1917 г. я, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, былъ назначенъ комиссаромъ 7-й арміи. Прибывъ на фронтъ и ознакомившись съ работою войсковыхъ организацій и съ тѣмъ, что дѣлалось въ полкахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что русская армія погибаетъ и что для спасенія ея, а слѣдовательно, и для спасенія Россіи, нужны мѣры рѣшительныя и твердыя, проводимыя, однако, съ осторож-

ной послѣдовательностью, дабы избѣжать вѣроятныхъ въ противномъ случаѣ потрясеній. Ни Военное Министерство, ни Ставка такихъ мѣръ, къ сожалѣнію, не принимали. Ставка — потому, что высшее командованіе и самъ Верховный Главнокомандующій были связаны указаніями, исходившими изъ Петрограда, Военное Министерство — потому, что Военный Министръ Керенскій руководствовался не только интересами арміи, но и настроеніями и резолюціями Петроградскаго «Совѣта», состоявшаго въ значительной степени изъ людей или большевистскаго или циммервальдскаго образа мыслей, чуждыхъ идеѣ родины, любви къ отечеству и заботѣ о сохраненіи фронта. Поэтому, и такъ какъ я не получилъ изъ Петрограда никакой инструкціи, опредѣляющей мои права и обязанности, какъ комиссара, я, на свой рискъ и страхъ, приступилъ въ 7-й арміи къ систематической, а не только словесной борьбѣ съ большевизмомъ. Усилія мои, однако, не могли имѣть существеннаго значенія, потому что въ то время, далеко не всѣ комиссары считали желательной и возможной рѣшительную борьбу съ большевиками. Мѣры, принимаемыя мною, остались мѣрами мѣстными, распространявшимися лишь на районъ 7-й арміи, въ большинствѣ же остальныхъ армій преступная пропаганда велась открыто и большевики преслѣдованію не подвергались. Изложенныя обстоятельства привели меня къ убѣжденію, что: 1) пока Петроградскій «Совѣтъ» не перестанетъ вмѣшиваться въ руководство политикой государственной и пока не прекратится агитація на фронтѣ, армія будетъ продолжать разлагаться, ибо разложеніе ея обуславливалось не только большевистской пропагандой, но и самимъ фактомъ митинговъ въ войсковыхъ частяхъ и 2) пока дѣятельность Военнаго Министерства и Ставки будетъ зависѣть отъ указаній т. н. «полномочныхъ органовъ революціонной демократіи», не-

возможно приступить къ оздоровленію арміи, какъ въ тылу, такъ равно и на фронтѣ. Поэтому, понимая, что упраздненіе «Совѣта» и войсковыхъ организацій можетъ быть дѣломъ только отдаленнаго будущаго, я поставилъ себѣ ближайшей задачей содѣйствіе назначенію въ Ставку и въ Военное Министерство лицъ, по своимъ личнымъ качествамъ, способныхъ оказать сопротивленіе постороннимъ воздѣйствіямъ и могущихъ начать трудное дѣло возрожденія боевой способности арміи.

Въ связи съ этой цѣлью, я, по назначеніи моемъ комиссаромъ юго-западнаго фронта, телеграфировалъ Керенскому, что операціи въ районахъ 8-й, 7-й и 11-й армій должны быть объединены командованіемъ того изъ начальниковъ, дѣйствія котораго увѣнчались во время іюньскихъ боевъ успѣхомъ, т. е. командованіемъ ген. Корнилова, ибо ввѣренная ему 8-я армія побѣдоносно прорвала линію австрійскаго фронта и заняла Калушъ и Галичъ. Разумѣется, военный успѣхъ ген. Корнилова служилъ для меня только предлогомъ, главнымъ же основаніемъ моего ходатайства было мое убѣжденіе, что именно ген. Корниловъ и, быть можетъ, единственно онъ, былъ способенъ въ этотъ періодъ времени возродить боевую способность арміи. Это мое убѣжденіе сложилось и изъ знакомства съ прошлымъ ген. Корнилова, и изъ знакомства съ его репутаціей, какъ человѣка и какъ военачальника, и изъ личныхъ о немъ впечатлѣній, полученныхъ мною во время моихъ съ нимъ свиданій до и послѣ взятія Калуша. Ходатайство мое первоначально не имѣло успѣха: Керенскій усмотрѣлъ въ моей телеграммѣ превышеніе моихъ полномочій, какъ комиссара, хотя — и я уже на это указывалъ выше, — полномочія мои не были опредѣлены никакой ни словесной, ни писанной, ни печатной инструкціей. Только вмѣшательство «Искомитюза», т. е. Исполнительнаго Комитета юго-запад-

наго фронта. поддержавшаго мое ходатайство о назначении ген. Корнилова, рѣшило этотъ, возбудившій тогда много споровъ и пререканій, вопросъ. Не могу не отмѣтить, что если ходатайство комиссара, т. е., представителя Временнаго Правительства было оставлено безъ вниманія, то телеграмма «Искомитюза» достигла немедленно результата.

Ген. Корниловъ былъ назначенъ главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ, если не ошибаюсь, 5-го іюля, въ день Тарнопольскаго прорыва. Объ этомъ его назначеніи я узналъ отъ верховнаго главнокомандующаго, ген. Брусилова. вызвавшаго меня къ себѣ, въ поѣздъ, на станцію Козова. Тамъ же, въ поѣздѣ, я нашелъ и ген. Корнилова. Онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Черновицы и оттуда въ Каменецъ-Подольскъ, я же остался въ районахъ 7-й и 11-й армій и только 8-го іюля получилъ возможность доложить ему о характерѣ отступленія нашихъ войскъ изъ подъ Тарнополя, отступленія, которому я явился свидѣтелемъ. 8-го же іюля въ Каменецъ-Подольскѣ была составлена мною и комиссаромъ 8-й арміи Филоненко, посланная ген. Корниловымъ Временному Правительству телеграмма о необходимости введенія смертной казни на фронтѣ. Въ основу этой телеграммы былъ положенъ первоначальный текстъ, написанный ординарцемъ ген. Корнилова Завойкой, но текстъ этотъ былъ значительно измѣненъ нами въ его резолютивной части. Это измѣненіе было вызвано тѣмъ, что Завойко придалъ телеграммѣ ген. Корнилова ультимативный характеръ со скрытой угрозой въ случаѣ неисполненія требованія, предъявленнаго Временному Правительству, объявить на юго-западномъ фронтѣ военную диктатуру. Такъ какъ попытка объявленія военной диктатуры могла повести лишь къ окончательному разложенію арміи и къ гибели офицерскаго состава, и такъ какъ такія стремленія угрожали немедленнымъ крушеніемъ

того плана, первымъ шагомъ на пути осуществленія котораго было назначеніе ген. Корнилова главнокомандующимъ юго-западнымъ фронтомъ, то я не ограничился исправленіемъ текста, составленнаго Завойкой. Я ходатайствовалъ передъ ген. Корниловымъ объ откомандированіи Завойки за предѣлы юго-западнаго фронта и это мое ходатайство было уважено. Тогда же я впервые коснулся въ разговорѣ съ ген. Корниловымъ возможности съ его стороны вооруженнаго выступленія противъ Временнаго Правительства. Я сказалъ ген. Корнилову, что по моему глубокому убѣжденію необходимыя для возрожденія арміи мѣры, могутъ быть безболѣзненно приняты лишь съ согласія Керенскаго, авторитетъ котораго въ тылу и на фронтѣ стоялъ тогда чрезвычайно высоко и я сказалъ еще ген. Корнилову, что въ случаѣ вооруженнаго выступленія онъ найдетъ во мнѣ врага, котораго вѣроятно вынужденъ будетъ арестовать, если конечно не будетъ самъ арестованъ мною. Въ отвѣтъ на это ген. Корниловъ заявилъ мнѣ, что и онъ считаетъ такого рода попытку губительной для арміи и Россіи. Съ этого дня началась на юго-западномъ фронтѣ въ 8-й, 7-й и 11-й и Особой арміяхъ планомѣрная и рѣшительная борьба съ большевиками, причемъ въ числѣ прочихъ большевиковъ былъ арестованъ и будущій главковерхъ, прапорщикъ Крыленко, освобожденный, однако, впослѣдствіи министромъ юстиціи Малянтовичемъ. Въ этой борьбѣ ген. Корниловъ показалъ себя именно тѣмъ твердымъ и неустрашимымъ человѣкомъ, какимъ его считали всѣ, имѣвшіе высокую честь знать его лично.

Въ серединѣ іюля я былъ вызванъ Керенскимъ въ Могилевъ, въ Ставку верховнаго главнокомандующаго, гдѣ 16-го было назначено совѣщаніе по военнымъ вопросамъ. Ген. Корниловъ былъ тоже приглашенъ на это совѣщаніе, но съ оговоркою, что его

отсутствіе не должно отразиться на происходившихъ въ то время на юго-западномъ фронтѣ операціяхъ. Въ виду этой оговорки онъ не выѣхалъ въ Могилевъ и ограничился телеграфнымъ перечисленіемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя, по его мнѣнію, надлежало осуществить. Онъ телеграфировалъ, что помимо уже принятаго въ то время Временнымъ Правительствомъ закона о смертной казни на фронтѣ, необходимо: 1) ввести дѣятельность войсковыхъ организацій въ опредѣленныя закономъ, точно установленныя границы, 2) возвратить дисциплинарную власть начальникамъ и 3) обратить сугубое вниманіе на тылъ, гдѣ запасные полки являлись разсадниками большевизма. Телеграмма эта уже тогда содержала основныя положенія такъ называемой «корниловской» программы и явилась результатомъ обмѣна мнѣніями между штабомъ и комиссаріатомъ юго-западнаго фронта. За отсутствіемъ ген. Корнилова его точку зрѣнія поддерживалъ я.

Эта точка зрѣнія не расходилась по существу съ мнѣніемъ присутствовавшихъ на совѣщаніи генераловъ Брусилова, Алексѣева, Деникина, Рузскаго и другихъ. Расхожденіе намѣчалось лишь по вопросу о послѣдовательности и постепенности. Убѣдительную и сильную рѣчь въ защиту твердой и независимой власти, способной возродить боевую мощь арміи, сказалъ ген. Деникинъ. Но эта рѣчь была направлена противъ Временнаго Правительства и я не могъ привѣтствовать ее. Мнѣ казалось, что и при Временномъ Правительствѣ возможно, а значитъ и должно, сохранить и укрѣпить русскій фронтъ. Что касается Керенскаго, то онъ, повидимому, соглашался со мной, вѣрнѣе, съ мнѣніями, изложенными въ телеграммѣ ген. Корнилова. Что Керенскій соглашался со мною, я заключилъ не только изъ моихъ съ нимъ бесѣдъ, но изъ того обстоятельства, что когда послѣ совѣщанія 16 іюля, онъ рѣшилъ что не

ген. Брусиловъ долженъ стоять во главѣ арміи, то онъ обратился именно ко мнѣ за совѣтомъ, кого назначить его замѣстителемъ. Я назвалъ ген. Корнилова. И дѣйствительно, ген. Корниловъ былъ назначенъ верховнымъ главнокомандующимъ. Я былъ счастливъ этимъ назначеніемъ. Дѣло возрожденія русской арміи вручалось человѣку, непреклонная воля котораго и прямота дѣйствій служила залогомъ успѣха.

Керенскій приказалъ мнѣ ѣхать съ собой въ Петроградъ и уже въ поѣздѣ его я узналъ о кризисѣ кабинета. Тамъ же въ поѣздѣ и позднѣе въ Царскомъ Селѣ въ моемъ присутствіи составлялся списокъ будущаго правительства. Одно время казалось, что въ этомъ новомъ правительствѣ Керенскій оставитъ за собой только должность министра-предсѣдателя и не возьметъ никакого портфеля, что военнымъ и морскимъ министромъ буду назначенъ я и кадетское крыло будетъ многочисленнымъ, что Черновъ и Скобелевъ вовсе не войдутъ въ кабинетъ, а вмѣсто нихъ будутъ привлечены соціалисты гораздо болѣе праваго направленія — Аргуновъ и Плехановъ. Керенскій, сопровождаемый мной, посѣтилъ въ Царскомъ Селѣ Плеханова и предложилъ ему министерство промышленности и торговли, на что Плехановъ изъявилъ согласіе. Все это вмѣстѣ взятое давало мнѣ надежду, что событія 3—5 іюля и Тарнопольскій разгромъ дѣйствительно раскрыли глаза Временному Правительству на бѣдственное положеніе Россіи и что Керенскій, понимая неотложность измѣненія слабой и двойственной своей политики, рѣшилъ отъ прекраснодушныхъ словъ перейти къ суровому дѣлу строительства государственнаго.

Надежда эта оказалась въ значительной степени ложной. По прибытіи изъ Царскаго Села въ Петроградъ, Керенскій, посовѣтовавшись съ разными по-

литическими дѣятелями, въ томъ числѣ съ представителями Цен. Исп. Ком. Соц. Рев. и Соц. Дем., составилъ окончательный списокъ новаго кабинета. Плеханову я вынужденъ былъ телеграфировать по порученію Керенскаго, что участіе его въ кабинетѣ не предполагается болѣе. Скобелевъ и Черновъ вошли въ составъ Временнаго Правительства, кадетскихъ портфелей оказалось только четыре, Керенскій остался во главѣ военнаго и морского министерства, что же касается меня, то я былъ назначенъ въ подчиненную должность — управляющимъ военнымъ министерствомъ. Благопріятный моментъ національнаго подъема, вызванный іюльскими днями на фронтѣ и въ Петроградѣ не былъ использованъ. Можно было предвидѣть, что механическое соединеніе, т. е. пресловутая коалиція не осуществитъ необходимой странѣ твердой власти и что Петроградскій Совдепъ с. д. попрежнему будетъ имѣть вліяніе на политику кабинета. Но какъ бы то ни было, кое что было достигнуто: ген. Корниловъ былъ назначенъ верховнымъ главнокомандующимъ и я могъ надѣяться, что поддержанный высокимъ авторитетомъ ставки, я смогу приступить къ оздоровленію тыла въ то время, какъ ставка озаботится поднятіемъ боевой способности фронта.

Мои сомнѣнія были, однако, весьма велики. Ихъ вызвали колебанія Керенскаго, очевидное непониманіе истиннаго положенія вещей Ц. И. К. С. Р. и С. Д., съ членами котораго я имѣлъ случай бесѣдовать и та неясность и неопредѣленность политическихъ настроеній, которыми были проникнуты многія рѣчи на совѣщаніи въ Малахитовомъ залѣ ночью 22-го іюля. На совѣщаніи этомъ были представители всѣхъ политическихъ партій и изъ длительнаго обмѣна мнѣній я вынесъ впечатлѣніе, что только у меньшинства есть твердое желаніе возродить армію и этимъ спасти Россію, большинство же склонно на-

станвать на партійныхъ, непримиримыхъ по существу, разногласіяхъ.

Опасаясь, что въ столь сложныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ я, даже и при поддержкѣ ставки, не смогу добиться сколько нибудь значительнаго измѣненія въ политикѣ государственной и что дѣятельность моя разобьется о противодѣйствіе Ц. И. К. С. Р. и С. Д. я 24 и потомъ 26 іюля ходатайствовалъ передъ Керенскимъ о разрѣшеніи мнѣ вернуться на фронтъ. Но Керенскій настоялъ на принятіи мною должности управляющаго военнымъ министерствомъ. Это обстоятельство снова дало мнѣ поводъ думать, что онъ согласенъ со мной и что по крайней мѣрѣ съ его стороны я не встрѣчу препятствій къ проведенію тѣхъ важнѣйшихъ реформъ, необходимость которыхъ была для меня очевидной еще на юго-западномъ фронтѣ.

II.

26-го іюля состоялось мое назначеніе на должность управляющаго военнымъ министерствомъ. Не болѣе, какъ черезъ недѣлю, въ самомъ началѣ августа, комиссаръ при ставкѣ Филоненко доложилъ мнѣ о существованіи въ Могилевѣ заговора, имѣющаго цѣлью ниспроверженіе Временнаго Правительства. Это извѣстіе чрезвычайно встревожило меня. Я опасался, что заговоръ этотъ можетъ толкнуть ген. Корнилова на путь вооруженнаго выступленія, что означало бы гибель всѣхъ намѣченныхъ начинаній и полное крушеніе надежды на возрожденіе боевой способности арміи. Но къ донесенію моему, а затѣмъ и Филоненки объ опасности, назрѣвающей въ ставкѣ, Керенскій тогда отнесся безъ достаточнаго вниманія. Онъ не придалъ значенія нашимъ словамъ и даже сдѣлалъ выговоръ Филоненкѣ за «вмѣшательство не въ свое дѣло». Я отмѣчаю это отношеніе Керенскаго.

Я не могу объяснить, почему онъ не приказалъ заблаговременно принять мѣры для предотвращенія, хотя и патріотической, но губительной и заранѣе обреченной на неудачу попытки. Бездѣйствіе его дало возможность заговору окрѣпнуть и, окрѣпнувъ, вылиться впослѣдствіи въ форму непоправимыхъ, августовскихъ событій.

3-го августа въ Петроградъ прибылъ ген. Корниловъ для доклада Временному Правительству о состояніи арміи и положеніи на фронтѣ. Онъ привезъ съ собой изготовленную въ ставкѣ докладную записку, которая мнѣ показалась не вполнѣ удовлетворительной во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, она не возвышалась до программы мѣропріятій общегосударственнаго значенія, ибо не выходила за предѣлы узкихъ интерессовъ арміи. Во-вторыхъ, положенія ея были основаны лишь на матеріалѣ, имѣвшемся въ ставкѣ, а не на данныхъ, собранныхъ, какъ ставкой, такъ и Военнымъ Министерствомъ. Въ-третьихъ, и это главное, — въ ней отсутствовала мысль объ осторожной послѣдовательности въ дѣлѣ осуществленія необходимыхъ реформъ какъ будто реформы эти дѣйствительно могли быть проведены одновременно и безъ предварительной подготовки. Я представилъ эти соображенія ген. Корнилову и онъ согласился со мной. Онъ обѣщалъ отложить свой докладъ на недѣлю, до 10-го августа, и ограничиться во Временномъ Правительствѣ сообщеніемъ того, что дѣлается на фронтѣ, воздерживаясь отъ выводовъ и предначертаній. Я, съ своей стороны, обѣщалъ ему что къ 10-му августа будетъ изготовлена въ военномъ министерствѣ новая докладная записка ставки. Написать ее я поручилъ Филоненкѣ.

3-го авдуста состоялось закрытое засѣданіе Временнаго Правительства и на засѣданіи этомъ ген. Корниловъ сообщилъ о положеніи на фронтѣ. Когда онъ коснулся нашихъ и союзныхъ стратегическихъ

плановъ, я написалъ Керенскому записку приблизительно слѣдующаго содержанія: «Увѣренъ ли министръ предсѣдатель въ томъ, что сообщаемыя здѣсь верховнымъ главнокомандующимъ государственныя и союзныя тайны не станутъ извѣстны противнику въ товарищескомъ порядкѣ?» Я написалъ эту записку потому, что мнѣ было извѣстно, что въ Петроградскомъ С. Р. и С. Д. находились лица, состоявшія въ сношеніяхъ съ противникомъ и, что нѣкоторые изъ членовъ Временнаго Правительства общаются съ ними, какъ съ товарищами. Керенскій прочелъ мою записку и передалъ ее ген. Корнилову. Ген. Корниловъ сократилъ свое сообщеніе, а послѣ засѣданія обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не имѣлъ ли я въ виду министра земледѣлія Чернова.

Въ тотъ же день, 3-го августа, ген. Корниловъ уѣхалъ въ ставку, я же попросилъ Филоненку поторопиться съ изготовленіемъ указанной выше докладной записки. Я хотѣлъ, чтобы она была изготовлена не позднѣе 10-го августа, ибо 14-го въ Москвѣ предполагалось Государственное Совѣщаніе. Я считалъ, что на это Государственное Совѣщаніе Временное Правительство должно явиться съ опредѣленной программой и надѣялся, что таковой программой послужитъ изготовляемая докладная записка. Мнѣ казалось, что если даже докладная записка эта будетъ отвергнута Временнымъ Правительствомъ, то самый фактъ ея обсужденія побудитъ Керенскаго обратить болѣе серьезное вниманіе на положеніе арміи въ тылу и на фронтѣ.

Докладная записка содержала въ себѣ четыре основныхъ положенія: 1) законопроектъ о введеніи смертной казни въ тылу за преступленія военныя, 2) законопроектъ о нѣкоторыхъ мѣрахъ военнаго характера на желѣзныхъ дорогахъ въ цѣляхъ улучшенія пришедшаго въ полное разстройство транспорта, 4) законопроектъ о введеніи военнаго положенія въ

предпріятіяхъ, работающихъ на оборону и 4) законопроектъ объ ограниченіи правъ войсковыхъ организацій и о возвращеніи дисциплинарной власти начальникамъ. Законопроекты эти должны были быть принимаемы постепенно, причемъ первымъ долженъ былъ быть принятъ законопроектъ о смертной казни въ тылу, какъ основной и опредѣляющій дальнѣйшее направленіе всей политики Временнаго Правительства. По закону докладная записка для представленія ея во Временное Правительство должна была быть подписана не только мною — управляющимъ военнымъ министерствомъ, но и Керенскимъ, военнымъ министромъ. Съ 3-го по 8-е августа я три раза докладывалъ Керенскому о томъ, что въ Военномъ Министерствѣ изготавляется докладная записка, основнымъ законопроектомъ которой является законопроектъ о смертной казни въ тылу, но всѣ три раза Керенскій не придавалъ значенія моимъ словамъ. Вообще, съ перваго же дня моего вступленія въ должность между мною и Керенскимъ установилось явное разномысліе. Оно касалось не только принципіальныхъ вопросовъ. Достаточно сказать, что почти ежедневно Керенскій возвращался къ вопросу о смѣщеніи ген. Корнилова, причемъ предполагалось, что верховнымъ главнокомандующимъ будетъ назначенъ самъ Керенскій, и почти ежедневно мнѣ приходилось доказывать, что ген. Корниловъ единственный человѣкъ въ Россіи, способный возродить боевую мощь арміи.

7-го докладная записка была закончена и 7-го же ген. Корниловъ прислалъ Временному Правительству телеграмму, что онъ прибудетъ 10-го. Но 8-го Филоненко сообщилъ мнѣ, что ген. Корниловъ колеблется ѣхать въ Петроградъ, ибо до свѣдѣнія его дошло, что Керенскій намѣревается смѣстить его съ должности верховнаго главнокомандующаго. Такого рѣшенія Керенскимъ принято не было, — были только

обычные его по этому поводу разговоры. Поэтому я рѣшилъ просить ген. Корнилова непремѣнно прибыть 10-го, указывая ему на необходимость его присутствія при обсужденіи условленной докладной записки. Послѣ долгаго колебанія ген. Корниловъ согласился пріѣхать. Ни я, ни онъ не подозрѣвали тогда, что Керенскій, не сообщивъ мнѣ объ этомъ, пошлетъ ему телеграмму съ предложеніемъ остаться въ ставкѣ. Кромѣ того, я, конечно, не могъ предположить, что Керенскій, еще 3-го, зная, что 10-го долженъ пріѣхать ген. Корниловъ и получивъ 7-го отъ него объ этомъ его пріѣздѣ телеграмму, заявитъ впослѣдствіи, что ген. Корниловъ былъ самовольно вызванъ мною въ Петроградъ.

8-го ночью произошло слѣдующее:

Военнымъ Министерствомъ на основаніи свѣдѣній контръ-развѣдки былъ составленъ списокъ лицъ, какъ лѣвыхъ, такъ и правыхъ, подлежащихъ арестованію. Двѣ ночи подрядъ Керенскій, одобривъ весь правый списокъ, не рѣшался подписать лѣвый. Наконецъ, 8-го, на третью ночь онъ, вычеркнувъ больше половины лѣвыхъ фамилій, подписалъ списокъ. Но подписи его было не достаточно. По закону требовалась еще подпись министра внутреннихъ дѣлъ Авксентьева. Авксентьевъ въ 4-мъ часу утра, по моему приглашенію, прибылъ въ Военнее Министерство и, тоже одобривъ весь правый списокъ, вычеркнулъ изъ лѣваго всѣ фамиліи, кромѣ двухъ, если не ошибаюсь, Троцкаго и Колонтай. Послѣ этого я попросилъ разрѣшенія поговорить съ Керенскимъ наединѣ. Я сказалъ ему, что докладная записка уже изготовлена Филоненкой и спросилъ подпишетъ ли онъ ее. Онъ отвѣтилъ, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не подпишетъ законопроекта о смертной казни въ тылу. Тогда я сказалъ, что этотъ его отвѣтъ, а также отказъ его и Авксентаева подписать составленный военнымъ министерствомъ списокъ,

подлежащихъ арестованію большевиковъ, убѣждаетъ меня, что разногласія между мною и Временнымъ Правительствомъ такъ велико, что я вынужденъ просить объ отставкѣ. Я прибавилъ, что если военный министръ не желаетъ подписать докладной записки, то ее подпишетъ верховный главнокомандующій. Керенскій моей отставки не принялъ.

10-го прибылъ ген. Корниловъ. Онъ прослѣдовалъ прямо къ Керенскому, въ Зимній Дворецъ. Терещенко, встрѣчавшій вмѣстѣ со мною ген. Корнилова на вокзалѣ, намекнулъ, что Керенскій не приглашаетъ меня къ себѣ. Я вернулся въ Военное Министерство, куда къ 6 часамъ вечера пріѣхалъ и ген. Корниловъ. Онъ сказалъ, что Керенскій удивленъ его пріѣздомъ и считаетъ, что я самовольно и напрасно потревожилъ его. Я разсказалъ ген. Корнилову изложенныя выше обстоятелвства и просилъ его подписать докладную записку. Ген. Корниловъ ее подписалъ. Подписалъ ее и я, вслѣдъ за нимъ. Послѣ этого ген. Корниловъ приказалъ одному изъ моихъ адъютантовъ протелефонировать въ Зимній Дворецъ съ просьбой назначить на 9 час. засѣданіе Временнаго Правительства для обсужденія представленной имъ докладной записки. Но въ 9 час. засѣданіе не состоялось. Состоялась лишь частная бесѣда ген. Корнилова съ Керенскимъ, Терещенкой и Некрасовымъ. Надежды мои не сбылись. Обсужденія докладной записки во Временномъ Правительствѣ Керенскій не допустилъ. На Государственное Совѣщаніе правительство явилось безъ опредѣленной программы.

IV.

Керенскій моей отставки не принялъ, но на Государственное Совѣщаніе ѣхать мнѣ не позволилъ. Отъ покойнаго государственнаго контролера Кокошкина я узналъ, что 11-го, въ засѣданіи Временнаго Правительства, Керенскимъ была прочитана докладная

записка, но не та, которая была изготовлена Филоненкой, а та, которая была изготовлена въ ставкѣ и мною отвергнута. Министры Кокошкинъ, Юреневъ, Ольденбургъ, Карташевъ и Ефремовъ стояли на той же точкѣ зрѣнія, на которой стояло Военное Министерство. Ея же держался въ бесѣдахъ со мной и Терещенко, но Терещенко, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, не поддержалъ «корниловской программы» въ правительствѣ, хотя и обѣщалъ мнѣ, что вмѣстѣ со мною выйдетъ въ отставку. За то на «корниловской программѣ» настаивали передъ Керенскимъ оба товарища военнаго министра, генералы — покойный кн. Тумановъ и Якубовичъ. Оба они представили свои отставки на мое распоряженіе. Тоже сдѣлали начальникъ политическаго отдѣленія Степунъ, комиссаръ при ставкѣ Филоненко, и его помощникъ Фонвизинъ. Не могу не отмѣтить, что меня поддержалъ также комитетъ 8-й арміи, предсѣдатель котораго Вендзягольскій телеграфировалъ мнѣ о солидарности комитета съ предначертаніями Военнаго Министерства.

17-го изъ Москвы возвратился Керенскій. Мнѣ уже было извѣстно, что на Государственномъ Совѣщаніи онъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о «желѣзѣ и крови». Мнѣ уже было извѣстно также, что онъ желаетъ сохранить меня на посту управляющаго военнымъ министерствомъ, но при условіи отставки Филоненки. На отставку Филоненки я согласиться не могъ, ибо не зналъ тогда за нимъ никакой вины, и передалъ объ этомъ Керенскому черезъ ген. Якубовича. Керенскій не настаивалъ. Въ день своего возвращенія въ Петроградъ, онъ вызвалъ меня къ себѣ и, очень волнуясь, заявилъ, что на Государственномъ Совѣщаніи «контръ-революція» подняла голову, что въ этомъ виновенъ я, ибо питаю своею дѣятельностью надежды «контръ-революціонеровъ», что мой планъ извѣстенъ ему, что я хочу, чтобы вмѣсто

одного его, Керенскаго, государственную политику направляло три человѣка — Керенскій, Корниловъ и я, и что онъ этого не допуститъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ мнѣ, что изъ соображеній государственныхъ онъ вынужденъ просить меня взять мою отставку обратно и согласиться со мной по вопросу о смертной казни въ тылу. Тутъ же онъ приказалъ мнѣ учредить междувѣдомственную комиссію при Военномъ Министерствѣ для разработки въ спѣшномъ порядкѣ законопроекта о военно-революціонныхъ судахъ. Я вернулся въ министерство съ чувствомъ большого удовлетворенія. Мнѣ казалось, что на пути осуществленія плана, намѣченнаго на юго-западномъ фронтѣ, сдѣланъ еще одинъ, быть можетъ, важнѣйшій шагъ: Керенскій сталъ на точку зрѣнія «корниловской программы». Въ тотъ же день я приказалъ главному военному прокурору Апушкину учредить указанную выше комиссію и къ 20-му августа законопроектъ о смертной казни былъ готовъ и представленъ мнѣ. Этотъ законопроектъ долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе. Онъ не только опредѣлялъ дальнѣйшее направленіе политики Временнаго Правительства, но и автоматически вносилъ измѣненія въ его составъ. Принятіе его большинствомъ вынуждало неизбѣжно меньшинство, и въ томъ числѣ министра земледѣлія Чернова, подать въ отставку. Кромѣ того, Керенскій, голосуя за законопроектъ ipso facto, становился въ явно враждебное отношеніе къ петроградскому С. Р. и С. Д.

Я думалъ тогда и я думаю также сейчасъ, что если бы законопроектъ этотъ былъ принятъ Временнымъ Правительствомъ, то борьба Временнаго Правительства съ большевиками, а значитъ косвенно и съ «совѣтами», могла бы закончиться не такъ, какъ она закончилась въ октябрѣ. Нужно помнить, что въ срединѣ августа 1917 г., подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ и мѣропріятій ген. Корнилова, намѣтился

рѣзкій переломъ въ общественномъ настроеніи и что «совѣты» и «комитеты» начали утрачивать свое вліяніе на массы, въ солдатскую же среду стало проникать сознаніе необходимости воинской дисциплины. Въ дни, непосредственно предшествовавшіе корниловскому выступленію, у многихъ, въ томъ числѣ и у меня, окрѣпла надежда, что путемъ рѣшительныхъ, но осторожно проводимыхъ реформъ, возродится боевая способность арміи. Послѣдующее показало, что мы заблуждались.

20-го я доложилъ Керенскому о томъ, что законопроектъ о смертной казни въ тылу уже разработанъ междувѣдомственной комиссіей и тогда же, по предложенію Военнаго Министерства, Керенскій согласился на объявленіе Петрограда и окрестностей на военномъ положеніи и на прибытіе въ Петроградъ военнаго корпуса для «реальнаго осуществленія этого положенія», т. е. для дѣйствительной борьбы съ большевиками. Я опять испыталъ чувство большого удовлетворенія. Казалось, что Керенскій окончательно и безповоротно становится на дорогу, указанную ген. Корниловымъ.

20-го же Керенскій приказалъ мнѣ ѣхать въ ставку. Въ этотъ періодъ времени онъ уже былъ озабоченъ заговоромъ, выросшимъ въ ставкѣ и имѣвшимъ свое развѣтвленіе въ Петроградѣ. Поэтому онъ поручилъ мнѣ ходатайствовать передъ ген. Корниловымъ не только о присылкѣ коннаго корпуса въ Петроградъ, но и о переводѣ изъ ставки въ Москву союза офицеровъ, нѣкоторые члены котораго участвовали, по имѣвшимся въ Военномъ Министерствѣ свѣдѣніямъ, въ заговорѣ противъ Временнаго Правительства. Мѣра эта была, конечно, палліативною, но она лишала союзъ офицеровъ всего техническаго аппарата ставки и тѣмъ значительно препятствовала дѣятельности заговорщиковъ.

Имена многихъ изъ заговорщиковъ были извѣстны.

Въ ихъ числѣ упоминался ординарецъ ген. Завойко, который былъ удаленъ по моему ходатайству съ юго-западнаго фронта. Я просилъ Филоненку наблюдать, чтобы Завойко не появлялся въ ставкѣ и Филоненко докладывалъ мнѣ, что Завойки нѣтъ въ Могилевѣ. Но, кромѣ Завойки, были еще и другіе, не учитывавшіе всей сложности положенія и толкавшіе ген. Корнилова на гибельный путь. Путь этотъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что патріотическая программа заговорщиковъ не была тогда общеизвѣстной и подвергалась всевозможнымъ толкованіямъ, вплоть до явно несправедливаго обвиненія въ подготовкѣ реставраціи Романовыхъ. Добившись согласія Керенскаго на упомянутыя выше мѣропріятія, я еще болѣе сталъ опасаться заговорщиковъ въ ставкѣ. Съ этимъ, не покидавшимъ меня опасеніямъ, я выѣхалъ 21-го августа въ Могилевъ, гдѣ 22-го открывалось совѣщаніе, созванное Филоненкой для разсмотрѣнія разработаннаго въ Военномъ Министерствѣ «Положенія о комитетахъ и комиссарахъ».

III.

Въ ставкѣ я нашелъ ген. Корнилова крайне раздраженнымъ колебаніями Керенскаго и его нерѣшительной и неопредѣленной политикой. Ген. Корниловъ сказалъ мнѣ, что онъ больше не можетъ служить тому правительству, во главѣ котораго находится «слабохарактерный» Керенскій, а членами котораго состоятъ «неподготовленный» Авксентьевъ и «подозрительный» Черновъ. Въ отвѣтъ на эти его слова я вынулъ изъ портфеля уже готовый, хотя еще и не подписанный Керенскимъ, законопроектъ о смертной казни въ тылу, сообщилъ ген. Корнилову о рѣшеніи Керенскаго объявить Петроградъ и окрестности на военномъ положеніи и ходатайствовалъ о присылкѣ коннаго корпуса для реальнаго осуществленія этого положенія. Ген. Корниловъ по до-

стоинству оцѣнилъ эти мѣропріятія. Выслушавъ меня, онъ попросилъ передать Керенскому какъ разъ противоположное тому, что было сказано имъ при встрѣчѣ со мной. Онъ попросилъ передать, что каково бы ни было его личное отношеніе къ министру-предсѣдателю, онъ ген. Корниловъ, будетъ для блага отечества вѣрно служить Временному Правительству. Эту же просьбу онъ повторилъ на другой день, на вокзалѣ, провожая меня.

22-го ген. Корниловымъ, Лукомскимъ и Романовскимъ, полковникомъ Барановскимъ, комиссаромъ Филоненко и мною были установлены по картѣ границы военнаго для Петрограда и окрестностей положенія. Что касается коннаго корпуса, то того же 22-го числа, ген. Корниловъ условился со мной о его движеніи, при чемъ по просьбѣ моей, обѣщалъ мнѣ не назначать его командиромъ ген. Крымова и замѣнить туземную дивизію регулярной кавалерійской. Я просилъ его объ этомъ, ибо предвидѣлъ, что конному корпусу придется ликвидировать въ Петроградѣ большевиковъ и не желалъ дать поводъ впослѣдствіи увеждать, что русскихъ рабочихъ арестовывали кавказскіе горцы подъ командою генерала, не пользующагося симпатіей среди «революціонной демократіи».

Когда главнѣйшія дѣла были рѣшены, я обратился къ ген. Корнилову съ просьбой о переводѣ союза офицеровъ изъ ставки въ Москву. Просьбу эту ген. Корниловъ уважилъ безъ возраженій, прибавивъ, что если въ ставкѣ есть заговорщики, то онъ арестуетъ ихъ своей властью. Въ отвѣтъ на это я коснулся — и это уже во второй разъ — возможности его вооруженнаго выступленія противъ Временнаго Правительства. Я повторилъ ему то же, что сказалъ въ іюлѣ на юго-западномъ фронтѣ. Я заявилъ, что какъ мнѣ ни трудно было бы пойти противъ него въ виду нашей солидарности во взглядахъ и моего глу-

бокаго уваженія къ нему; но въ этомъ случаѣ онъ навѣрное найдетъ во мнѣ врага.

23-го я посѣтилъ совѣщаніе, созванное Филоненкой, представивъ предварительно ген. Корнилову проектъ разработаннаго въ Военномъ Министерствѣ «положенія о комитетахъ и комиссарахъ». По этому вопросу у меня возникло съ ген. Корниловымъ разномысліе. Полагая, что и комиссары, и комитеты въ будущемъ должны быть упразднены, я, боясь осложненій, не считалъ однако возможнымъ упразднить ихъ немедленно. Я ограничивался поэтому установленіемъ отвѣтственности ихъ по суду, точнымъ опредѣленіемъ ихъ правъ и обязанностей и расширеніемъ компетенціи комиссаровъ за счетъ компетенціи комитетовъ. Ген. же Корниловъ, повидимому, былъ склоненъ къ безотлагательному упраздненію комитетовъ и къ сокращенію правъ комиссаровъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и высказался на совѣщаніи, созванномъ Филоненкой.

Несмотря на заявленіе ген. Корнилова, что, въ виду намѣтившагося измѣненія государственной политики, онъ будетъ вѣрно служить Временному Правительству, я уѣзжалъ изъ ставки съ большимъ безпокойствомъ. Я зналъ, что заговоръ существуетъ. Я чувствовалъ разлитое повсемѣстно недовѣріе къ Керенскому. Я боялся, что всегда возможныя его колебанія на этотъ разъ приведутъ къ послѣдствіямъ неожиданнымъ. И, поэтому, прощаясь съ Филоненкой, я настойчиво требовалъ отъ него сугубаго вниманія и такта, чтобы во время предотвратить всякую попытку къ возстанію. Я указывалъ ему, что Керенскій послѣ долгой борьбы согласился, наконецъ, на законопроектъ о смертной казни въ тылу, что законопроектъ этотъ только начало въ длинной цѣпи реформъ, что возрожденіе боевой способности арміи изъ области мечтаній переходитъ въ область реальнаго дѣла, и я просилъ его повліять по возможности

на ген. Корнилова въ смыслѣ довѣрія, если не къ Керенскому, то къ Военному Министерству.

24-го я вернулся въ Петроградъ и нашелъ у себя на столѣ телеграмму отъ ген. Корнилова, въ которой онъ меня спрашивалъ, принятъ ли уже Временнымъ Правительствомъ законопроектъ о смертной казни въ тылу. Законопроектъ не только еще не былъ принятъ, но даже не былъ подписанъ Керенскимъ. На слѣдующій день, 25-го, на обычномъ докладѣ, въ присутствіи генераловъ кн. Туманова и Якубовича и полк. Барановскаго, я дважды предложилъ Керенскому его подписать и дважды онъ отказался отъ подписи. 26-го повторилась таже исторія: я дважды предлагалъ законопроектъ и Керенскій дважды его отвергъ. Я не понималъ этихъ колебаній Керенскаго, не понималъ почему онъ 26-го не рѣшается принять на свою отвѣтственность то, съ чѣмъ онъ согласился 17-го, но я зналъ, что отвергнуть законопроектъ значитъ дать ставкѣ поводъ къ возстанію и тѣмъ положить конецъ надеждѣ возрожденія боевой способности арміи. Поэтому, послѣ доклада, я попросилъ у Керенскаго разрѣшенія поговорить съ нимъ наединѣ. Я сказалъ, что отвергаемый имъ законопроектъ изготовленъ по его приказанію, что нерѣшительность его преступна, что его слабоволіе губитъ Россію и что, если бы передо мною былъ не онъ, Керенскій, то я бы разговаривалъ съ нимъ другимъ языкомъ. Керенскій, выслушавъ меня, взялъ законопроектъ, обѣщалъ его подписать и въ тотъ же день, 26-го, вечеромъ, представить на обсужденіе во Временное Правительство. Я вышелъ изъ Зимняго Дворца съ увѣренностью, что на этотъ разъ достигнуто то, что казалось мнѣ залогомъ спасенія Россіи. Но и на этотъ разъ моя увѣренность меня обманула.

IV.

26-го вечеромъ я пріѣхалъ въ Зимній Дворецъ на засѣданіе Временнаго Правительства для защиты законопроекта о смертной казни въ тылу. Почти немедленно изъ Малахитовой залы я былъ вызванъ въ кабинетъ Керенскаго.

Въ кабинетѣ я нашелъ г. г. Балавинскаго и Вырубова, въ присутствіи которыхъ Керенскій, молча, протянулъ мнѣ исписанный листокъ бумаги. Я прочелъ его и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Я не помню дословно текста, но смыслъ его состоялъ въ томъ, что верховный главнокомандующій требуетъ немедленной передачи всей полноты военной и гражданской власти ему. Подъ этимъ ультиматумомъ стояла подпись: «В. Львовъ».

Львова я почти не зналъ, о его бесѣдахъ съ Керенскимъ тоже не зналъ, о его поѣздкахъ въ ставку тоже не зналъ. Поэтому прочитанный мной ультиматумъ мнѣ показался мистификаціей. Но Керенскій сказалъ, что онъ провѣрилъ заявленіе Львова по прямому проводу у ген. Корнилова и въ доказательство показалъ мнѣ ленту своего разговора. Въ лентѣ этой не содержалось текста ультиматума, предъявленнаго Львовымъ. Керенскій спрашивалъ кратко, подтверждаетъ ли ген. Корниловъ то, что говоритъ Львовъ и ген. Корниловъ отвѣтилъ: «Да, подтверждаю». Ни тогда, ни послѣ, ни теперь я не понималъ и не понимаю, какъ могъ Керенскій въ дѣлѣ столь огромнаго государственнаго значенія ограничиться такимъ неопредѣленнымъ вопросомъ и я не понималъ и не понимаю, какъ могъ ген. Корниловъ подтвердить то, содержаніе чего ему не было и не могло быть извѣстно.

Я былъ убѣжденъ, что въ основѣ происходящаго лежитъ недоразумѣніе. Ген. Корниловъ, я въ этомъ не сомнѣвался, не принималъ участія въ заговорѣ. Три дня назадъ онъ увѣрялъ меня, что будетъ вѣрно

служить Временному Правительству. За три дня не случилось ничего, что могло бы поколебать его рѣшеніе. Чѣмъ же возможно было объяснить ультиматумъ Львова?... Я не зналъ тогда, что Керенскій велъ съ Львовымъ бесѣды по вопросамъ государственной важности и что Львовъ отъ имени Керенскаго — имѣя на это право или нѣтъ — предлагалъ ген. Корнилову въ ставкѣ на выборъ три комбинаціи. Эти комбинаціи были таковы: 1) Временное Правительство объявляетъ ген. Корнилова диктаторомъ, 2) Временное Правительство поручаетъ ген. Корнилову образованіе кабинета и 3) учреждается директорія съ участіемъ Керенскаго и ген. Корнилова.

Только много позже мнѣ стало извѣстно, что ген. Корниловъ въ убѣжденіи, что Львовъ говоритъ съ нимъ отъ имени Керенскаго и желая остаться вполнѣ лояльнымъ, выбралъ третью комбинацію, т. е. учрежденіе директоріи съ его участіемъ и попросилъ Львова передать Керенскому объ этомъ.

Слова ген. Корнилова въ передачѣ Львова превратились въ указанный выше ультиматумъ.

Чувствуя, что происходящее недоразумѣніе можетъ вызвать событія непоправимыя, я посовѣтовалъ Керенскому сговориться съ ген. Корниловымъ. Но Керенскій возразилъ, что поздно сговариваться. Онъ сказалъ, что имъ уже послана телеграмма ген. Корнилову съ отрѣшеніемъ его отъ должности и съ приказомъ покинуть армію. Не могу не отмѣтить, что телеграмма эта по содержанію была незаконной, ибо не министръ-предсѣдатель, а только Временное Правительство имѣло право смѣстить верховнаго главнокомандующаго, по формѣ же она была телеграммой частной, ибо была безъ номера, безъ второй, скрѣпляющей, подписи, за одною подписью «Керенскій», безъ званія «министръ-предсѣдатель» и была адресована не «главковерху, ставка», а «генералу Корнилову, Могилевъ». Но я не могу не отмѣтить также, что

отъ ген. Корнилова ускользнулъ этотъ ея незаконный по существу и по формѣ характеръ, и что онъ, вмѣсто того, чтобы запросить Военное Министерство, немедленно отвѣтилъ на нее телеграммой съ отказомъ подчиниться Временному Правительству.

Ночь съ 26-го на 27-е и половину дня 27-го я провелъ въ бесѣдахъ по прямому проводу съ Филоненкой и ген. Корниловымъ. Керенскій предлагалъ объявить о возстаніи ген. Корнилова немедленно и этого же мнѣнія держался министръ финансовъ Некрасовъ, но остальные члены Временнаго Правительства и нѣкоторые общественные дѣятели, какъ П. Н. Милюковъ и В. А. Маклаковъ многократно настаивали передъ Керенскимъ на необходимости ликвидировать недоразумѣніе и сговориться съ ген. Корниловымъ. Въ частности мнѣ удалось добиться обѣщанія не опубликовывать ничего до окончанія моихъ бесѣдъ по прямому проводу. Въ этихъ моихъ бесѣдахъ я приказывалъ Филоненкѣ немедленно покинуть ставку и пріѣхать въ Петроградъ, ген. Корнилова же убѣждалъ во имя блага родины подчиниться Временному Правительству. Хотя ген. Корниловъ отвѣтилъ мнѣ отказомъ, но изъ текста переговоровъ было видно и этого мнѣнія держались всѣ, кто ознакомился съ этимъ текстомъ, — что съ ген. Корниловымъ есть возможность сговориться и этимъ ликвидировать инцидентъ. Поэтому я вернулся съ прямого провода въ Зимній Дворецъ днемъ 27-го съ воскресшей надеждой на благополучное разрѣшеніе конфликта. Но надежда эта не оправдалась. Некрасовъ встрѣтилъ меня словами, что онъ уже приказалъ опубликовать о выступленіи или, держась оффиціальнаго текста, объ «измѣнѣ» ген. Корнилова. Онъ сказалъ мнѣ кромѣ того: «Покамѣстъ вы разговариваете по проводу, ингуши подходятъ къ Петрограду».

Совершилось непоправимое. Инцидентъ не былъ

ликвидированъ въ Зимнемъ Дворцѣ, недоразумѣніе разрослось до размѣровъ вооруженнаго выступленія и вся Россія была оповѣщена о томъ, что ген. Корниловъ «мятежникъ». Въ ночь на 28 ген. Алексѣевъ, Терещенко и я уже безнадежно обсуждали вопросъ, какъ потушить разгорающійся пожаръ, а утромъ я спросилъ Керенскаго, понимаетъ ли онъ, что армія послѣ удара, нанесеннаго ей, погибнетъ. Керенскій мнѣ отвѣтилъ, что армія не погибнетъ, и что, напротивъ, воодушевленная побѣдой надъ контръ-революціей, она ринется на германцевъ и побѣдитъ.

V.

На слѣдующій день въ Петроградѣ стало извѣстно воззваніе ген. Корнилова. Тогда же стало извѣстно, что конный корпусъ двигается на Петроградъ вопреки обѣщанію ген. Корнилава, подъ командою ген. Крымова и съ туземной дивизіей въ авангардѣ. Ген. Корниловъ, избравшій изъ трехъ комбинацій Львова ту, которая ему казалась наиболѣе лояльной, и увѣренный, что ее предлагаетъ Временное Правительство конечно не могъ не усмотрѣть въ телеграммѣ Керенскаго тяжкаго оскорбленія. Оскорбленный, скорбящій за армію, болѣющій за Россію, въ убѣжденіи, что Керенскій обманулъ его, онъ, опираясь на заговорщиковъ, поднялъ знамя возстанія.

28-го Керенскій назначилъ меня военнымъ генералъ губернаторомъ Петрограда. Я безъ колебанія согласился принять эту должность. Я цѣликомъ раздѣлялъ «Корниловскую программу», но вопреки мнѣнію ставки полагалъ, что ее надлежитъ проводить постепенно. Въ заговорѣ я не только не состоялъ, но и считалъ его политически ошибочнымъ и даже преступнымъ. Такъ же я относился и къ вооруженному выступленію, о чемъ и поставилъ ген. Корнилова два раза въ извѣстность. Въ успѣхъ этого выступленія я не вѣрилъ, ибо оно казалось мнѣ организа-

ціонно незрѣлой затѣей. Кромѣ того, уважая ген. Корнилова, я къ нѣкоторымъ изъ окружавшихъ его лицъ довѣрія не питалъ.

Въ «дѣлѣ Корнилова» не было двухъ точекъ зрѣнія. Ихъ было три: Керенскаго, ген. Корнилова и Военнаго Министерства. Принимая должность военнаго генералъ-губернатора я оставался вѣренъ послѣдней, — той, на которой я стоялъ еще на юго-западномъ фронтѣ.

Въ Зимнемъ Дворцѣ царила растеряность. Терещенко подавалъ въ отставку. Некрасовъ предлагалъ передать всю власть С.-Р. и С.-Д. Нѣкоторые министры избѣгали ночевать дома. Юнкерскій караулъ приходилось смѣнять по нѣсколько разъ въ одну ночь, ибо юнкеровъ во Дворцѣ опасались. Такая же растерянность царила и въ С.-Р. и С.-Д. Только ею я могу объяснить, что Черновъ ѣздилъ на Царскосельскій фронтъ для «инспекціи» обороны, что Войтинскій требовалъ отъ меня разоруженія военныхъ училищъ, и что Церетелли и Гоцъ настаивали на присутствіи въ штабѣ округа делегатовъ отъ Ц. И. К., вѣроятно, для контроля моихъ приказаній. Только ею же я могу объяснить, что мой разговоръ съ Филоненко о послѣднихъ дняхъ въ ставкѣ былъ переданъ бывшимъ управляющимъ морскимъ министерствомъ Лебедевымъ въ Зимній Дворецъ какъ разговоръ, носящій преступный характеръ, и что Керенскій повѣрилъ этому донесенію. Объективной опасности не было. Ген. Корниловъ шансовъ на успѣхъ не имѣлъ. Всадники туземной дивизіи, узнавъ о томъ, что ихъ ведутъ противъ временнаго правительства, начинали брататься со стрѣлками Царскосельскаго гарнизона; казаки посылали съ дороги депутатовъ въ штабъ округа съ изъявленіями вѣрности Керенскому; петроградскіе заговорщики не подавали признаковъ жизни; словомъ, даже при отсутствіи стойкихъ частей Петроградъ не трудно было оборонить. Не Керенскій, не

Ц. И. К., не рабочіе, не матросы, не штабъ округа, не Царскосельскіе стрѣлки отразили выступленіе ген. Корнилова. Оно, докатившись до Царскаго Села, обезсилѣло и распалось само собой. Это слѣдовало предвидѣть, какъ въ ставкѣ, такъ и въ Зимнемъ Дворцѣ.

31-го августа Керенскій по телефону уволилъ меня отъ должности генералъ-губернатора. Въ тотъ же день вечеромъ я подалъ въ отставку и отъ должности управляющаго военнымъ и морскимъ министерствомъ (управляющимъ морскимъ министерствомъ я былъ назначенъ 20-го). Керенскій принялъ ее и не назначилъ меня въ распоряженіе Временнаго Правительства. Стремительность моего увольненія подала поводъ ко всевозможнымъ слухамъ и толкованіямъ, а Черновъ, на страницахъ партійнаго органа с.-р. «Дѣло Народа», даже поднялъ агитацію въ пользу моего ареста. Въ связи съ этой агитаціей Ц. К. П. С. Р. потребовалъ отъ меня объясненій по дѣлу ген. Корнилова. Я отвѣтилъ, что не отказываюсь ихъ дать, но что не могу давать объясненій въ присутствіи лицъ, состоявшихъ въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ противникомъ, какъ напр. Натансона. Вслѣдъ за этимъ я заочно былъ исключенъ изъ партіи.

Таковы вкратцѣ событія, которыхъ я былъ отчасти участникомъ и отчасти свидѣтелемъ. Исчерпывающій матеріалъ по дѣлу ген. Корнилова, бутетъ, конечно, собранъ будущимъ историкомъ переживаемаго нами смутнаго времени. И этотъ историкъ опредѣлитъ мѣру отвѣтственности каждаго.

Б. Савинковъ.

LUX
LIBERTAS